

Он сидел под крышей, внимательно рассматривая фонарь. Простой и элегантный, на бамбуковой ручке был нарисован узор из облаков. Он не мог не задуматься, думал ли Хо Линьфэн о нём, когда рисовал облака, или, рисуя облака, думал о нём...

Конец весны, погода стала влажной и жаркой, и люди склонны к глупым мыслям.

Он отложил фонарь и взял воздушного змея, простого, без украшений, белого ласточку. Одной рукой он держал бамбуковый каркас, другой — катушку с нитью, и, чувствуя лёгкое головокружение, встал и вышел за дверь.

Жун Лоюнь шёл по узкой улочке, его шаги становились всё быстрее, затем он побежал, отпуская нить. Его одежда и змей развевались на ветру, встречные ученики с удивлением смотрели на него, сборщики фруктов чуть не уронили свои корзины, но он бежал, не обращая внимания, пока не остановился у Зала Цяньцзи.

Он нашёл стену рядом с бамбуковым домиком и, поймав ветер, отпустил нить.

Змей взлетел вверх, и на голубом небе появилась белая ласточка.

В бамбуковом домике Хо Линьфэн выпил ещё одну порцию лекарства, смутно вспоминая события прошлой ночи. Он был слишком слаб, чтобы делать что-то ещё, и взял книгу «Зеркало грехов», полулёжа и читая.

Ночь была душной, и воздух в комнате смешался с запахом лекарства, горьким и неприятным.

— Дурак? — он позвал Ду Чжэна, но тот был внизу, готовя суп, и никто не ответил.

Хо Линьфэн, не имея выбора, сам встал с кровати, открыл окно и, опершись на раму, наслаждался свежим ветром. Подняв глаза, он увидел воздушного змея в форме ласточки, того самого, что он сделал из бамбука и бумаги. Следуя за нитью взглядом, он увидел Жун Лоюня, стоявшего за стеной и смотрящего на него.

Весенний свет окутывал его, весенний ветер обдувал, и в голове Хо Линьфэна ярко всплыли воспоминания о прошлой ночи, ясные и реальные.

Он невольно помахал рукой, Жун Лоюнь, увидев это, начал сматывать нить, немного неуклюже, немного торопливо, а затем, как ласточка, влетел в Зал Цяньцзи. В его сердце прозвучал вздох...

Хотя они не были близки, это ощущение было слаще, чем самый прекрасный день.

Жун Лоюнь вошёл в Зал Цяньцзи, ученики ушли на тренировки, и он беззаботно направился в Бамбуковый сад. Войдя в сад, он увидел Ду Чжэна, который сидел за каменным столом и чистил овощи, и их взгляды встретились.

Ду Чжэн спросил:

— Только утром ушёл, зачем вернулся?

Жун Лоюнь с лёгкой гордостью ответил:

— Твой брат позвал меня.

Ду Чжэн фыркнул:

— Ты заставил его страдать всю ночь, он, наверное, хочет с тобой разобраться.

Гордость Жун Лоюня мгновенно испарилась, и он почувствовал тревогу. Ду Чжэн, как злая старуха, посмотрел на змея и сказал:

— Даже если он не будет разбираться, он заберёт этого змея, и фонарь тоже.

Как можно забрать подаренное? Жун Лоюнь подумал, что он обещал больше не забирать платок, так что фонарь и змей навсегда останутся его.

— Не слушаю твои угрозы, я не верю, — он сказал с высокомерием. — Если он захочет забрать это, я заберу платок.

Ду Чжэн отрезал корень овоща:

— Просто платок, на острове Чжоша людей, дарящих платки моему брату, хватит от юга города до севера, он мог бы менять их каждый день.

Жун Лоюнь сжал кулак, этот парень слишком наглый, просто потому что он старший брат Ду Чжуна? Просто потому что Ду Чжун, потому что Ду Чжун... Он застрял в мыслях, что же такого в Ду Чжуне? В его поддержке?

Закончив с овощами, Ду Чжэн начал чистить грушу, срезая кожуру, как будто снимая мясо. Жун Лоюнь, никогда не сталкивавшийся с таким отношением, медленно подошёл к бамбуку, выбрал один стебель, крепко схватил его и, собрав внутреннюю силу, вырвал с корнем.

Ду Чжэн вытаращил глаза, чуть не порезав палец.

Напугав его, Жун Лоюнь сказал:

— Приготовь на обед рис в бамбуке, я поем, а потом уйду.

Он бросил бамбук и величественно вошёл в бамбуковый домик. Едва переступив порог, его уверенность рассеялась, как облако, и он почувствовал сильный дискомфорт от использования внутренней силы.

Поднявшись на второй этаж, он подошёл к двери спальни и заглянул внутрь, пряча змея за спиной.

Хо Линьфэн уже перебрался на диван, в нижнем белье и шёлковом халате, с обнажённой ключицей и босыми ногами, его обычно строгий и решительный вид сменился расслабленной аристократичностью. Он налил два чая:

— Господин, чего ты подсматриваешь, боишься, что я всё ещё безумен?

Жун Лоюнь подошёл и сел, через маленький стол, опустив глаза, чтобы не смотреть на него. Прошлой ночью они переступили границы, были слишком свободны, и это вызывало смущение.

Он сидел тихо, используя маленькую чашку чая как прикрытие, поднося её к губам и делая небольшие глотки. Выпив до последней капли, он наконец поставил чашку и попытался найти другую тему:

— Ты видел, как я запускал змея?

Хо Линьфэн кивнул:

— Умм.

Он подошёл к самой стене, разве он слепой? Он не только не был слепым, но и обладал острым взглядом, сразу заметив следы на шее Жун Лоюня. Красные пятна от поцелуев, следы от зубов и мелкие пятнышки от щетины — всё это было его рук делом на прошлой ночи.

Взгляд был настолько горячим, что Жун Лоюнь слегка втянул шею.

Он всё ещё чувствовал жар, слегка приподнял воротник.

Жар усиливался, он схватил себя за шею и с досадой сказал:

— Хватит на меня смотреть.

Хо Линьфэн вдруг смягчился, он действительно был плохим, прошлой ночью он мучил Жун Лоюня, а теперь снова.

— Господин, подойди сюда.

Он нашёл маленький мешочек в углу дивана, в котором были лекарства, которые он всегда брал с собой на войну.

— Давай намажем немного, и всё быстро пройдёт.

Жун Лоюнь слегка удивился, Хо Линьфэн обычно любил подкалывать, но эти слова звучали невероятно мягко. Он, не вставая с места, пододвинулся ближе и невольно сказал:

— Сегодня ты такой мягкий, как...

Хо Линьфэн спросил:

— Как кто?

Он подумал:

— Как старший брат.

Фу, разве Дуань Хуайкэ был мягким? Не замечал. Хо Линьфэн мысленно покритиковал его, открыл баночку с лекарством и, притянув Жун Лоюня ближе, начал наносить его. Его пальцы были грубыми, и он старался быть как можно нежнее, чтобы не причинить боли.

Но Жун Лоюнь чувствовал щекотку и толкнул его локтем:

— Посильнее.

Он не подумал, прежде чем сказать:

— Прошлой ночью ты просил быть помягче, а теперь хочешь посильнее.

Сказав это, он увидел, что шея Жун Лоюня покраснела ещё сильнее, будто он намазал её румянами. Жун Лоюнь наклонил голову, терпя это, и краем глаза увидел открытый мешочек, в котором лежали платки с вышитыми цветами.

Он спросил:

— Откуда эти платки?

Хо Линьфэн ответил:

— Мне их подарили.

Жун Лоюнь подумал, так много, неужели действительно от юга до севера города? Если он так часто получает платки, почему он так обрадовался, когда я подарил ему один, и обнял меня?

В его голове возникла картина: Хо Линьфэн стоит на юге города, перед ним выстроились девушки, дарящие платки, он принимает их, обнимая каждую.

Это совсем не похоже на поведение невинного человека, даже завсегдатаи Башни Чжаому не вели себя так.

Закончив с лекарством, Хо Линьфэн спросил:

— О чём ты думаешь, господин?

Жун Лоюнь очнулся и повернулся к нему:

— Твой брат сказал, что ты невинный, правда?

Хо Линьфэн замер, его лицо покраснело, затем побелело, и он готов был убить Ду Чжэна. Прежде чем он успел придумать оправдание, Жун Лоюнь добавил:

— Когда ты ходил в Башню Чжаому, ты искал не Баоло, а меня, зачем ты соврал?

Всё сразу обрушилось, и ложь стала слишком тяжёлой. Хо Линьфэн решил признаться:

— Я солгал тебе.

Он действительно потерял всю свою генеральскую гордость.

— Я редко бываю в таких местах, Баоло не моя любимая, я просто хотел угодить тебе. А что касается невинности... это, кажется, не твоё дело.

Сказав это, он попытался сохранить лицо, тихо спросив:

— Лекарство было сильным, ты, наверное, часто бываешь в нежных объятиях, часто принимаешь его?

Переход был слишком резким, Жун Лоюнь сначала удивился, затем, подняв лицо, уловил насмешку в глазах Хо Линьфэна. Он решил притвориться опытным:

— Нет, я разве выгляжу таким слабым?

Хо Линьфэн сдался, кивнув, но внутри он смеялся, как магнолия. Слабый? Прошлой ночью они просто обнимались, немного крепче, немного настойчивее, а он уже тяжело дышал, словно потерял душу.

В этот момент в комнату ворвался аромат, Ду Чжэн принёс обед: три мясных блюда, два

овощных и бамбуковый рис с десертом. Хо Линьфэн и Жун Лоюнь, оба голодные, сели за стол и начали есть, Ду Чжэн скромно стоял в стороне.

Жун Лоюнь удивился:

— Старший брат, почему ты не ешь?

Оба, господин и слуга, напряглись, Хо Линьфэн поспешно сказал:

— Старший брат, чего ты стоишь, садись, ешь, пока горячее.

Трое сели за стол, Жун Лоюнь разломил бамбук и с удовольствием ел. Он не зря пришёл, проведаль больного, намазал лекарство, поел и остался до ясного полудня.

Когда Хо Линьфэн выпил лекарство, он, как будто приклеенный к стулу, сказал:

— Мне пора возвращаться в резиденцию.

Хо Линьфэн вытер рот:

— Господин, ты уже уходишь?

Жун Лоюнь поправился:

— Тогда выпью ещё чашку чая.

Он ел и пил, как скупой, и, чувствуя смущение, начал играть с воздушным змеем. Внезапно змей выскользнул из его рук, Хо Линьфэн забрал его, и он сразу же защитил свою добычу:

— Ты подарил его мне, нельзя забирать.

Хо Линьфэн улыбнулся, не говоря ни слова, этот змей был белым, нужно было добавить немного цвета, он взял кисть и чернила. Жун Лоюнь успокоился, налил чай, растёр киноварь в красный цвет, нарисовал бирюзу и добавил жёлтый цвет из порошка гардении.

<http://bllate.org/book/16167/1449275>